

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Университеты России на рубеже XIX–XX вв.:
эксперимент с «чиновниками от просвещения» (Н. П. Боголепов, Г. Э. Зенгер)**

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833

В статье рассматривается процесс привлечения к делу управления сферой образования Российской империи профессионалов – ректоров университетов и попечителей учебных округов. Политизация российского общества, назревание революционного кризиса и активное участие студенчества в этих процессах вынуждали самодержавную власть, наряду со стремлением подчинить университеты авторитарной правительственной регламентации и бюрократизации, идти на определенные уступки. Одной из таких уступок стал отказ самодержавной власти от практики назначения на пост министра народного просвещения представителей высшей имперской бюрократии. В статье рассматривается деятельность Николая Павловича Боголепова и Григория Эдуардовича Зенгера на посту министра народного просвещения, отмечается противоречивый характер последствий их деятельности. Подчеркивается, что Н. П. Боголепову, бывшему ректору Московского университета и бывшему попечителю Московского учебного округа, не удалось ни получить признания имперской бюрократии, ни сохранить свой авторитет среди профессоров и студентов. Его несомненный вклад в развитие университетского образования перечеркивался различными репрессивными мероприятиями. В статье отмечается, что аналогичным образом сложилась и министерская судьба Г. Э. Зенгера, бывшего ректора Варшавского университета и бывшего попечителя Варшавского учебного округа.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, министр, учебный округ, попечитель, университеты, ректор, профессура, студенты, «студенческий вопрос», «Временные правила».

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Universities of Russia at the Turn of the XIX–XX centuries:
Experiment with "Education Officials" (N. P. Bogolepov, G. E. Zenger)**

In the article the process of attracting professionals into management of the Russian Empire education – rectors of universities and trustees of educational districts – is considered. Politicization of the Russian society, maturing of the revolutionary crisis and students' active participation in these processes forced the autocratic power, along with desire to subordinate universities to the authoritative government regulation and bureaucratization, to make certain concessions. The autocratic power's abnegation to appoint representatives of the highest imperial bureaucracy to the post of the national education minister was one of such concessions. In the article Nikolay Pavlovich Bogolepov and Grigory Eduardovich Zenger's activity on the post of the National Education Minister is regarded, inconsistent character of their activity consequences is noted. It is emphasized that N. P. Bogolepov, a former Rector of Moscow University and a former trustee of Moscow Educational District, succeeded neither in gaining recognition of the imperial bureaucracy, nor keeping the authority among professors and students. His undoubted contribution to development of university education was crossed out by various repressive actions. In the article it is pointed out that the ministerial destiny of G. E. Zenger, a former Rector of Warsaw University and a former trustee of Warsaw Educational District, was the same.

Keywords: National Education Ministry, a Minister, educational district, a trustee, universities, Rector, professorate, students, "a student's question", "Provisional rules".

Начало правления последнего русского самодержца Николая II (1894–1917) стало временем возрождения дискуссий по «университетскому вопросу», нерешенность которого при помощи пяти предпринятых в XIX в. попыток (1804, 1835, 1849, 1863 и 1884 гг.) П. Г. Виноградов на-

звал «национальным несчастьем» [2, с. 537]. Вырываясь из академической среды, проекты преобразований университетов становились достоянием общественности, благодаря их активному обсуждению в либеральной и консервативной прессе. Достигнув правительственных кабинета-

тов, идеи обновления университетской жизни на основе установления в них «прочного, разумного и целесообразного порядка» [8, с. 168] начинали обсуждаться на самом высоком уровне, а нарастающая политизация массового сознания и революционный подъем заставляли активизировать совместные межведомственные усилия по нейтрализации студенческой молодежи, все настойчивее и агрессивнее отстаивавшей свои академические и гражданские права. Ситуация в высшей школе, чреватая обострением напряженности в стране, вынуждала имперскую бюрократию более чутко прислушиваться к требованиям «ученого сословия» и вступать с ним в соглашения. Стремление подчинить академическое пространство авторитарной правительственной регламентации и бюрократизировать образовательный процесс все чаще и отчетливее стало сочетаться с уступками, характер которых оказывался более значительным в периоды наиболее сильных потрясений политических основ российской монархии. Так, новым явлением в управлении университетами стало назначение на должность министра народного просвещения представителей высшей университетской администрации: ректоров и попечителей учебных округов из профессорской среды. Хотя их деятельность не всегда была успешной и ожидания, связанные с их назначениями, нередко не оправдывались, сами факты появления доверия к профессорской корпорации и установления диалога между правительством и «академическим сословием» при помощи посредников – выходцев из научной интеллигенции – нельзя недооценивать. Это был новый эксперимент в деле управления высшей школой, вызванный новым историческим контекстом, в котором оказались и вся Российская империя, и университеты, превратившиеся к началу XX столетия в системообразующее, органическое звено интегративных процессов социокультурного развития державы.

Нормативно-правовому регулированию академического процесса в университетах при министрах из «ученого сословия» Н. П. Боголепове, Г. Э. Зенгере, А. Н. Шварце, Л. А. Кассо и других, развернувших свою деятельность по управлению российским просвещением в периоды назревания общественно-политических перемен рубежной эпохи XIX–XX вв. и последующего революционного натиска, посвящается данная глава.

Первым обладателем министерских регалий был питомец Московского университета Нико-

лай Павлович Боголепов, который занял пост главы учебного ведомства в декабре 1898 г. К этому времени профессору римского права было уже 52 года, и за его плечами оставались и значительный опыт, приобретенный в профессиональной деятельности, и успехи в выполнении административных обязанностей: инспектора Ермоло-Мариинского женского училища (1880–1890), ректора Московского университета (1883–1887, 1891–1893), попечителя Московского учебного округа (1895 – февраль 1898), управляющего Министерством народного просвещения (1898) [19, с. 105–107].

В памяти современников [9, с. 502; 503; 22, с. 538, 539] сохранились воспоминания о нем как об образованном, справедливом, благоразумном и твердом в своих решениях человеке, которому удалось, будучи ректором, найти разумный компромисс во взаимоотношениях с попечителем и инспектором, а позже, в роли попечителя, ослабить оппозицию московской профессуры правительству. Зная о недовольстве в ученой среде университетским уставом 1884 г. и разделяя протестные отношения своих коллег, Н. П. Боголепов, став попечителем, добился разграничения полномочий академических и административных властей, оградив образовательный процесс от чрезмерной, с его точки зрения, централизации. Ему удалось вернуть академическую жизнь Московского университета под руководство коллегиальных органов самоуправления (совета, правления, факультетских собраний), возглавлявшихся ректором и деканами. Инспектор, прежде олицетворявший управленческую власть, оказался у них в подчинении, а его обязанности были ограничены обеспечением условий, предупреждавших нарушение порядка организации учебного процесса [20, с. 147].

Как и преобладающее большинство профессоров XIX в., Н. П. Боголепов считал университет «храмом науки», поэтому он не мог допустить и мысли, чтобы преподаватели вместо выполнения своих прямых обязанностей – основного изложения научных знаний – занимались «политиканством», «либеральной агитацией», а студенты, не вспоминая о предназначении университетов, превращали бы их в арену политической борьбы. Кроме того, по своим политическим убеждениям он был монархистом, противником резких, не подготовленных «постепенным историческим процессом» преобразований, а если и допускал возможность каких-либо изменений в общественно-политической жизни, то

предлагал претворять их в жизнь постепенно, неспешно, руководствуясь исключительно собственным русским опытом и опираясь на единственно верный, в его представлениях, гарант развития – законодательную деятельность [19, с. 109].

Следуя этим рассуждениям, за которые еще при жизни он был прозван консерватором и реакционером, Н. П. Боголепов, оказавшись на посту министра просвещения, не считал для себя возможным проводить крупные реформы, грозившие коренными изменениями всего университетского строя (хотя они, судя по отзывам современников, давно уже назрели [12, с. 184]), а ограничился скромными мерами обновления академических порядков и студенческого быта ради предупреждения волнений учащейся молодежи. Например, он пресекал попытки возрождения студенческих самоуправляющихся организаций, в которых под прикрытием лозунгами «духовного подъема» и «материальной помощи» учащиеся занимались нелегальной политической деятельностью. Альтернативу воскрешения студенческих корпораций он видел в усовершенствовании методики проведения занятий в университетских аудиториях. Основой этой методики должна была стать, по его опыту, самостоятельная научная работа студентов на практических занятиях. Развитие навыков работы с документами, аналитических способностей юношей, научившихся самостоятельно приобретать знания, самостоятельно ставить научные задачи и решать их, и должно было, по его мнению, пробудить интерес студентов к учебному процессу, отвернув их от влияния разрушительных социалистических идей и воздействия революционной пропаганды [20, с. 146–148].

После смерти И. Д. Делянова (1897) Н. П. Боголепов, пользовавшийся расположением своего предшественника и симпатиями великого князя Сергея Александровича, был возведен императором в должность министра народного просвещения, одновременно получив чин тайного советника.

Начало выполнения Николаем Павловичем министерских обязанностей происходило в сложной обстановке: в феврале-марте 1899 г. страну сотрясла первая всероссийская студенческая забастовка, которая охватила тридцать высших учебных заведений. В первом массовом выступлении студенчества приняли участие свыше двадцати пяти тысяч человек [1, с. 84]. Продолжительность, размах и организованность

забастовки, поддержка студенческих требований российской общественностью не могли не привести к принятию незамедлительных решений. Поэтому в июне 1899 г. Н. П. Боголепов проводит Всероссийское совещание попечителей учебных округов с участием ректоров высших учебных заведений.

Управляющим и руководителям академических учреждений было предложено «на основании действующих законоположений» обсудить меры, способствующие «водворению спокойствия в высших школах, установлению правильного хода учебных занятий и улучшению быта студентов» [10, с. 53]¹. Исходя из этих задач, участники совещания, проходившего под председательством министра, «коснулись всех главнейших сторон жизни высших учебных заведений» и, кроме основного вопроса – предупреждение и искоренение студенческих волнений, детально обсудили злободневные проблемы высшего образования, рассчитывая установить и «общий желательный порядок ведения дела на будущее время» (с. 53). Начав совещание с рассмотрения положения инспекции в высших учебных заведениях, Н. П. Боголепов направил ход дискуссий в русло изучения степени эффективности мер, традиционно привлекавшихся для недопущения и пресечения студенческих беспорядков, и, «придавая особую цену нравственному воздействию начальства и профессоров на вверенную их попечению молодежь», все же считал необходимым обсудить и «более глубокие меры упорядочения [работы. – М. Н., Т. П.] высших учебных заведений», поскольку первая, «наиболее желательная мера» прежде успеха не имела (с. 53–55). Учебное начальство, согласившись с министром в необходимости запрещения «курсовых студенческих организаций с правом сходок, голосований и выборов», признало наиболее целесообразным «образом действий» на новом этапе студенческой борьбы, принимавшей характер «забастовки» и «обструкций», наказание подстрекателей беспорядков и «наиболее деятельных и вредных их участников» (с. 54), а также – в крайних случаях – непродолжительное прекращение занятий в учебных заведениях. К наиболее продуктивным мерам искоренения студенческих волнений совещание отнесло создание подконтрольных профессорам общежитий для иногородних учащихся, введение практических занятий, широкое развитие кружков с научными, литературными, музыкальными и иными допустимыми в учебных заведениях целями (с. 58),

установление «комплекта учащихся в университетах» (с. 55) и усовершенствование деятельности университетской инспекции. Хотя были озвучены и более радикальные способы борьбы со студенческим произволом (отбывание воинской повинности всеми уволенными за беспорядки лицами, устройство особых судов при учебных округах для наложения взысканий на виновную в беспорядках молодежь, установление конкурсных или поверочных испытаний при поступлении в университеты), они не получили одобрения большинства собравшихся на совещании лиц и были отклонены.

Итоги обсуждения «студенческого вопроса» послужили для Министерства народного просвещения «основанием ко многим мероприятиям по благоустройству высших учебных заведений» (с. 61), что вылилось в появление трех новых циркуляров, упорядочивавших деятельность университетов на рубеже XIX–XX вв.

В циркулярном распоряжении от 27 июня 1899 г. министр указал на желательные изменения в положении университетской инспекции и в направлениях ее деятельности. Он признавал, что инспекция более или менее удовлетворительно справляется с задачей поддержания порядка в стенах учебного заведения «в спокойное время», но когда «течение академической жизни чем-либо нарушено», особенно в случаях «волнения между студентами», она «не вполне отвечает своему назначению» [12, с. 190, 191].

Главной причиной слабости инспекции Н. П. Боголепов назвал отсутствие у защитников академического правопорядка «достаточного авторитета среди учащейся молодежи, чтобы оказывать на нее должное влияние» [12, с. 190]. Министр находил «желательным, чтобы на будущее время представители инспекции не ограничивались заботами о сохранении внешнего порядка, но приняли на себя обязанности благожелательного попечения об учащихся, оказывая им помощь теми способами и средствами, какими может располагать инспекция (приискыванием занятий, указанием удобных квартир и подходящих столовых, доставлением врачебной помощи заболевшим и т. п.)» [12, с. 191].

Руководствуясь этими соображениями, Н. П. Боголепов признавал необходимым обратить особое внимание попечителей на осмотрительный выбор помощников инспектора: им следовало иметь университетское образование, соответствующее специальности того факультета, на который они назначались. Помощникам инспек-

тора (а они, как правило, ранее были администраторами средних учебных заведений [7, с. 304]) предписывалось не столько следить за поведением университетов, сколько «сноситься» с ними по вопросам учебных занятий [12, с. 191].

Низших служителей инспекции – педелей, происходивших из отставных солдат и унтер-офицеров, министр освобождал от выполнения присвоенных ими функций надзора за формой одежды студентов и их поведением в промежутках между лекциями, а также от контроля за посещаемостью ими занятий. Полагая, что выполнение этих «ответственных и деликатных поручений» соответствует статусу помощника инспектора, но никак не педелей, обязанного следить только за недопущением недозволенных «сборищ», он вставал на защиту студентов, страдавших от злоупотреблений малообразованных хранителей университетских порядков, которые своими оскорблявшими достоинство учащихся действиями лишь провоцировали их на борьбу за академические и гражданские права [12, с. 191].

Таким образом, Н. П. Боголепов урезал полномочия педелей как навязчивых надсмотрщиков за личной жизнью студентов, но расширил компетенции помощников инспекторов, возложив на них выполнение поручений нравственно-воспитательного характера. Прежде перед инспекцией не ставилась задача обретения нравственного авторитета в глазах студенческой молодежи [15–5.1], и это можно отнести к новшествам в организации работы высшего учебного ведомства России. Однако «благожелательное попечение» о студентах поставило на повестку дня вопрос об увеличении численного состава инспекции – в противном случае добиться надлежащего выполнения ею разросшихся в объеме обязанностей не представлялось возможным, поэтому Н. П. Боголепов предложил привести в «желательное соответствие» количество студентов, помощников инспекторов и педелей. По его расчетам, на 150 студентов требовалось в среднем назначать одного помощника инспектора, что, в свою очередь, приводило к увеличению расходов на усиление инспекции. По новой смете, составленной министром, на содержание университетской инспекции следовало выделять 78 180 рублей, и эта сумма, испрашивавшаяся на сохранение академического порядка, была санкционирована Государственным Советом и по воле императора начала выдаваться с марта 1900 г. [10, с. 61].

5 июля 1899 г., в преддверии нового учебного года, появился еще один циркуляр Н. П. Боголепова, который не прибавил ему как главе учебного ведомства привлекательной популярности. В циркуляре, разосланном попечителям учебных округов, он, ссылаясь на обсуждение этого вопроса членами Всероссийского совещания, заострял внимание на крайне неравномерном распределении студентов между отдельными университетами: в то время как периферийные университеты имеют сравнительно ограниченное число учащихся, столичные и Киевский научно-учебные центры страдают от «крайней переполненности» аудиторий. Учитывая это обстоятельство, «тормозящее преподавание», министр предлагал попечителям рекомендовать юношам, получившим в текущем году аттестаты и свидетельства зрелости, «держаться при поступлении в университет своего округа, с предупреждением, что в университетах других округов они могут не найти места» [10, с. 56, 62].

Лицам, получившим выпускные свидетельства в округах, где университеты отсутствовали, предлагалось заранее определиться с выбором высшего учебного заведения. Выпускникам гимназий Виленского округа было рекомендовано поступать в Юрьевский², Московский и С.-Петербургский университеты; окончившим средние учебные заведения Кавказского учебного округа предложено направляться в Харьковский, Новороссийский и Киевский университеты; бывшим гимназистам Оренбургского округа – в Казанский и Томский; обучавшимся в сибирских гимназиях предлагалось выбрать Томский университет для получения юридического и медицинского образования, а для иных направлений обучения – ориентироваться на Казанский университет [12, с. 184].

Таким образом, были урезаны права гимназистов периферийных учебных округов и затруднено их поступление в столичные университеты.

С целью «устранения излишнего переполнения слушателями отдельных факультетов» [10, с. 62] министерство разработало примерную таблицу оптимального числа студентов первых курсов юридического, физико-математического и медицинского факультетов, наиболее востребованных абитуриентами, в разных университетских центрах и рекомендовало руководителям этих учебных заведений придерживаться предложенных цифр [12, с. 185]³ при осеннем приеме студентов и их переходе с одного факультета на другой. Данные таблицы плана приема были со-

отнесены «с общим средним числом лиц, ищущих в последние годы университетского образования», а также с размерами помещений и учебными средствами отдельных университетов [10, с. 62].

Ограничения не касались только историко-филологических факультетов, потерявших привлекательность после введения устава 1884 г. и считавшихся наименьшими подразделениями университетов как по числу обучавшихся здесь студентов, так и по количеству выпускников.

Представленные расчеты абитуриентов, даже подкрепленные разъяснениями, содержащими заботу министерства о качестве образовательных услуг, в прессе были истолкованы как установление «известного комплекта учащихся для университетов» [12, с. 184].

Публицисты выражали сожаление о том, что провинциальная молодежь лишилась возможности получать высшее образование в особенно благоприятных для своего умственного и нравственного развития условиях, и предрекали, что это может негативно сказаться на состоянии национальной культуры, так как имперские столицы – средоточие умственной жизни страны – рискуют потерять талантливых людей из российской глубинки, которые могли бы обеспечить дальнейшее развитие науки, литературы, искусства. Обращалось внимание и на то, что циркуляр порождает неравенство между гимназистами разных учебных округов, которые прежде ощущали свое единство, невзирая на национальное происхождение, и что новые условия, регламентирующие место получения высшего образования, могут спровоцировать резкое обострение «национального вопроса» [12, с. 185, 186].

Непопулярный циркуляр Н. П. Боголепова о «прикреплении студентов к учебным округам», который и мы могли бы трактовать как ограничение личной свободы передвижения или как ущемление права выбора гимназистами своего образовательного маршрута, вместе с тем стал первым в истории высшего образования России инструментом налаживания плановой организации университетского дела [15–5.1], которая учитывала материальные возможности университетов, корректировала соотношение преподавателей и студентов, вводила прообразы санитарно-гигиенических норм охраны интеллектуального труда.

Третий циркуляр Н. П. Боголепова (21 июля 1899 г.), появившийся по итогам совещания «актива высшей школы», касался проблемы «уста-

новления желательного общения между студентами, профессорами и учебным начальством» с целью улучшения условий учебного труда студентов и упорядочения их академического быта.

Министр придавал большое значение тесному общению профессоров и студентов на почве учебных занятий. Такого рода общение, с одной стороны, было способно облегчить разрешение различных практических вопросов, вызывавшихся ходом учебных занятий (выбор учебников, издание лекций, составление расписания занятий и т. п.), а с другой – давало возможность устранять без осложнений и резких проявлений разного рода недоразумения, возникавшие в процессе академической деятельности. При наличии «близких и добрых отношений между студентами и педагогическим составом учебного заведения» регламентация «естественных взаимных отношений» являлась, по мнению Н. П. Боголепова, совершенно излишней, так как все возникавшие проблемы предлагалось разрешать непосредственными объяснениями преподавателей или учебного начальства со студентами или их представителями [10, с. 63].

Наиболее эффективным средством установления доверительных отношений между профессорами и студентами Н. П. Боголепов считал практические занятия, поэтому он находил необходимым их незамедлительную организацию на юридических факультетах, где они прежде отсутствовали, и усиление их роли на тех отделениях университетов, где они играли незначительную или второстепенную роль.

В циркуляре содержались рекомендации расширить там, где это возможно, практические занятия и заботиться впредь об их «правильной постановке», предполагавшей «деятельное участие» каждого студента в тех видах самостоятельной работы, которая содействовала поднятию их «общего умственного и нравственного уровня» [10, с. 64].

Переориентация учебного процесса с лекционных на семинарские занятия порождала проблему необеспеченности кадрами возраставшего объема академической нагрузки, которую предлагалось решать при помощи активного привлечения приват-доцентов и профессорских стипендиатов, а также дополнительного финансирования из бюджетных и специальных средств университетов. Вместе с тем министр позволил себе бросить укор в адрес тех преподавателей, кто не принимал близко к сердцу интересы своих слушателей, не входил «в духовные интересы и ну-

жды учащихся», ограничивая свою профессиональную деятельность только чтением лекций. Взывая к совести членов «ученого сословия» и указывая им на нравственные обязательства учащихся перед учащимися, Н. П. Боголепов стремился отгнать вопрос о материальных компенсациях планировавшегося увеличения академической нагрузки профессоров [10, с. 64, 67].

Тем не менее, его старания возродить интерес студентов к академической деятельности не остались незамеченными, и по Величайшему повелению для организации и усиления практических занятий на юридических и историко-филологических факультетах университетов ежегодно начали отпускать по 32 460 рублей [12, с. 188].

Помимо интенсификации академической нагрузки, профессорам – «ради установления желательного общения между студентами и педагогическим составом» – вменялось в обязанность выполнение следующих поручений: создание и руководство научными и литературными кружками для обсуждения студенческих рефератов, а также учреждение студенческих кружков, хоров и оркестров для тех молодых людей, которые интересовались музыкой и пением. Заботясь об «умственном, нравственном и эстетическом развитии учащихся» через творческие студенческие общества, министр, вместе с тем, рекомендовал не раздувать искусственно их численный состав, который должен был быть «строго сообразен с возможностью для каждого члена принимать активное и серьезное участие в деятельности своего кружка» [10, с. 58, 65].

Для того чтобы удержать кружки и общества «в требуемых границах», циркуляр обязывал университетское начальство «не допускать их вырождения в иные организации», «вредные в академических отношениях», и проявлять заботу о назначении для руководства ими «твердых и серьезных» преподавателей. Студенческие организации с явными признаками самоуправления признавались «вредными», нетерпимыми во всех видах высших учебных заведений и категорически запрещались [10, с. 65].

Наиболее целесообразной мерой установления доброжелательного воздействия педагогического коллектива университетов на студентов Н. П. Боголепов считал устройство студенческих общежитий. Они должны были избавить иногородних молодых людей от забот о квартире, добывании и приготовлении пищи, защитить от «сиротливого одиночества» и развращающих

соблазнов чужого города [10, с. 58]. Предназначенные преимущественно для ста пятидесяти учащихся первого курса, общежития как места совместного проживания юношей давали возможность университетскому начальству изолировать студентов от пагубного влияния «нездоровой среды», своевременно и оперативно осуществлять контроль за изменениями их умонастроений. Кроме того, здесь, по замыслу Н. П. Боголепова, можно было наладить эффективные научные занятия студентов под руководством опытных преподавателей, предусмотрительно вовлечь учащихся в регламентированную учебную жизнь до того, как «подстрекатели к беспорядкам» смогут сагитировать первокурсников войти в подпольные и нелегальные организации [10, с. 59, 65].

Ввиду особой важности устройства студенческих общежитий для упорядочения академического быта универсантов Н. П. Боголепов ходатайствовал перед Государственным советом и императором о выделении сверх утвержденной сметы на расходы Министерства просвещения 3 262 000 рублей и добился ассигнования соответствующего строительного кредита [17, с. 707]. С начала 1899/1900 учебного года при восьми Императорских университетах (Санкт-Петербургском, Московском, Киевском, Харьковском, Казанском, Новороссийском, Юрьевском, Томском) началось учреждение общежитий. Не остались на бумаге и другие предложения министра: «студенческие кружки с научно-литературными целями» и расширенные в объеме практические занятия были введены в большинстве университетов России [10, с. 67, 68].

Итак, циркуляры Н. П. Боголепова, появившиеся в преддверии нового 1899/1900 учебного года, содержали в себе попытки разрешить наболевшие, злободневные проблемы университетской жизни: предупредить ставшие «хроническими» студенческие беспорядки через усиление контроля за поведением и умонастроениями учащейся молодежи, а также переориентировать интересы студентов, превращавших аудитории в платформы для революционной агитации, на систематическую и добросовестную академическую деятельность.

С юридической точки зрения циркуляры Н. П. Боголепова не содержали в себе ничего принципиально нового. Будучи профессиональным юристом, министр придерживался буквы и духа университетского устава 1884 г., поэтому его распоряжения были проникнуты уважением

к действующему университетскому законодательству. Он конкретизировал положения устава о предназначении практических занятий и взял под контроль структуру академического процесса, где первенствующие позиции должны были занять «научные упражнения» со студентами, имевшими, по его соображениям, не только образовательную ценность, но и прежде всего воспитательное значение. Н. П. Боголепов расширил неаудиторные обязанности профессоров, наделил дополнительными полномочиями инспекторов и их помощников, обязав и «ученое сословие», и стражей университетского порядка усилить воспитательное воздействие на студентов. Таким образом, при нем была возрождена идея превращения академической деятельности в учебно-воспитательный процесс, впервые получившая свое воплощение в эпоху правления Николая I. К этой законодательной инициативе министра подталкивали не столько новаторский дух и амбициозность законодателя, сколько сложная внутривластная обстановка в империи, вовлеченность части студентов в леворадикальные объединения, падение авторитета учебно-управленческой корпорации университетов.

Расширение объема поручений педагогических коллективов и наделение их воспитательными функциями должны были сопровождаться, по замыслам Н. П. Боголепова, дополнительным материальным вознаграждением, что для работников высшей школы имело немаловажное значение, так как их оклады не пересматривались с 1863 г. Все его новые законодательные предложения требовали дополнительного финансирования университетов, однако конфронтация с министром финансов С. Ю. Витте, задававшим в то время тон в правительстве [20, с. 157], не породила оптимистических прогнозов по поводу возможности быстрого существенного укрепления материальной базы университетов и увеличения доходов профессорско-преподавательского состава. Более того, С. Ю. Витте, стороннику решительных реформ, удалось дискредитировать убежденного консерватора Н. П. Боголепова предложением отдавать в солдаты студентов, участвовавших в беспорядках [19, с. 108]. С расторопностью ухватившись за эту идею, которая соответствовала и государственным интересам искоренения студентов-бунтарей, и его собственному политическому кредо, министр подготовил самый скандальный за время его чиновничьей деятельности документ «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заве-

дений, удаленных из сих заведений за учинение скопом беспорядков» [4, с. 181–183].

«Временные правила», изданные 29 июля 1899 г., рассматривались высшей исправительной мерой зачинщиков и участников студенческих волнений (ст. 1). Одобренные Правительствующим Сенатом и утвержденные императором, они свидетельствовали о том, что такая привилегия студентов, как отсрочка от выполнения воинской повинности на все время учебы, для подстрекателей и участников противоправных действий в корпусах университетов или за их пределами элиминировалась. «Удалению из учебных заведений и зачислению в войска» подлежали все виновные в «уклонении от учебных занятий», даже если они «имели льготы по семейному положению либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках» (ст. 1).

Для рассмотрения дел о студенческих беспорядках в университетах учреждалось особое совещание под председательством попечителя местного учебного округа (либо лица, назначенного министром просвещения). Члены особого совещания (наделенные дисциплинарной властью представители педагогического коллектива и делегаты от трех министерств – военного, внутренних дел и юстиции), определив степень вины привлеченных к ответственности студентов на основании их устных и письменных объяснений, «удаляли» нарушителей академического порядка из учебного заведения и определяли на действительную военную службу сроком в один-два года (ст. 2, 4, 5).

За «особо вредное в беспорядках участие» срок военной службы «обвиняемых» возрастал до трех лет (ст. 5). На основании решения особого совещания, заверенного министром просвещения, виновные, зачисленные в войска, немедленно передавались в распоряжение военного начальства (ст. 6, 7). «Неспособные к службе в строю» по медицинскому освидетельствованию определялись на «нестроевые должности» (ст. 8).

Военному министру предоставлялось право сократить срок службы отданных в солдаты студентов до одного года при их «одобрительном поведении и ревностном исполнении служебного долга» (ст. 9). Искупив свою вину исправным несением службы в действующей армии, студенты могли вернуться в учебные заведения или поступить на государственную службу «на общем основании» (ст. 10).

Подготовив «Временные правила», Н. П. Боголепов четко обозначил свою позицию: он пошел на сближение с правительственными кругами, принесся в жертву студентов-бунтарей. Его колебания в «студенческом вопросе» между политикой репрессий и курсом незначительных уступок университетской молодежи закончились победой волевого административного начала.

«Временные правила» спровоцировали волну студенческих выступлений, которые начались в 1900 г. в Киевском университете и были поддержаны столичными университетами. Борясь с произволом студентов (освистывавших и изгнавших из аудиторий преподавателей, создававших своими экстремистскими выходками с химическими веществами угрозу для жизни учащихся), Н. П. Боголепов отдал распоряжение о передаче в солдаты более двухсот человек [1, с. 86]. Оно явилось для него роковым – в начале 1901 г. министр просвещения был убит эсерами.

Н. П. Боголепов был первым министром – выходцем из разночинских слоев и из профессорского сообщества, которому не удалось ни получить признания среди сановной бюрократии, ни сохранить авторитет в «ученом сословии», хотя на его счету было немало заслуг: открытие юридического факультета при Томском университете, учреждение медицинского факультета и кафедры византийской филологии в Новороссийском университете. Он добился открытия Восточного института во Владивостоке и выделения кредита в шесть тысяч рублей для подготовки профессоров этого важного с точки зрения развития экономики, культуры, международных отношений в «восточно-азиатской России» учебного заведения [18, с. 643, 644, 1343, 1344; 10, с. 69, 70]; дал разрешение начать работу Московским женским курсам, аналогичным С.-Петербургским [17, с. 710]. По его распоряжению учебный год в университетах стал начинаться не 20 августа, а 1 сентября [10, с. 68, 69].

Однако эти успехи министра оказались недостаточно значительными – их перевешивали дела другого рода: увольнение профессоров столичных университетов «за вредное направление», закрытие московского Юридического общества, руководимого «конституционалистами» – С. А. Муромцевым, М. М. Ковалевским, А. И. Чупровым; запрещение открывать высшие технические и коммерческие учебные заведения, заслужившие, в его оценке, характеристику «рассадников анархизма» [20, с. 154, 155]. Н. П. Боголепову не удалось сохранить институт

«профессорских стипендиатов» из-за сокращения финансирования зарубежных научных командировок. Так, в 1898 г. 13 человек были лишены возможности стажироваться в европейских университетах [10, с. 70].

Сохраняя верность своим политическим убеждениям, он боролся и со студентами, и с преподавателями университетов, недостаточно лояльными монархическому режиму, но, лишившись поддержки в «академическом сословии», не смог обрести ее и в высших эшелонах власти. В глазах и своих коллег, и чуждой ему по социальному происхождению вельможной правительственной знати он прослыл ретроградом, консерватором, реакционером; время его руководства Министерством народного просвещения получило характеристику «одной из самых печальных эпох в истории университетов» [13, с. 340].

Сегодня, зная о разрушительных последствиях для российской державы революций и гражданских войн начала XX столетия, мы поостереглись бы давать столь резкие оценки любому человеку, находившемуся в это «кризисное время» у кормила государственной власти и строго следовавшему по пути закона и порядка, и Н. П. Боголепову в том числе. Сравнение результатов чиновничьей деятельности Н. П. Боголепова и его преемников также дает основания видеть в его законотворческой политике последовательное претворение в жизнь идеи реформирования университетов в дозволенных законом и самодержавной волей императора границах.

Вторым «чиновником от просвещения» стал Григорий Эдуардович Зенгер, получивший пост главы Министерства народного просвещения в 1903 г.

Он происходил из служилого дворянства, владел обширными земельными угодьями в Царстве Польском, доставшимися ему по наследству. Выпускник историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, Г. Э. Зенгер был талантливым ученым. В 1894 г. он получил степень доктора римской словесности без представления диссертации, то есть на основании только своих научных достижений: «как приобретший известность своими научными трудами». За двадцать лет профессиональной деятельности: в 5-й С.-Петербургской гимназии, Нежинском историко-филологическом институте кн. Безбородко, Варшавском университете, педагогических классах при Варшавской женской гимназии – он написал множество работ по истории Древнего Рима, греческой и римской литера-

туре, неоднократно осуществлял научные командировки в крупнейшие европейские университетские центры. Послужной список Г. Э. Зенгера-администратора также был впечатляющим. В 1896 г. он исполнял обязанности декана историко-филологического факультета Московского университета, в 1897–1899 гг. работал ректором Варшавского университета, в 1900–1901 гг. управлял Варшавским учебным округом в качестве попечителя, в 1901 г. получил назначение на пост товарища (заместителя) министра просвещения, в апреле 1902 г. (после отставки П. С. Ванновского) стал управляющим, а весной 1903 г. – министром народного просвещения [5, с. 169–171].

Активного и деятельного «поборника законности» Г. Э. Зенгера хорошо знали в чиновничьих кругах, так как он многократно приглашался в комиссии и комитеты, разрабатывавшие проекты преобразований средней и высшей школы. С декабря 1901 г. он был председателем комитета по вопросу о сосредоточении дел по проступкам студентов в особых профессорских дисциплинарных судах, добившись их учреждения летом 1902 г. в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения.

Однако на посту министра (апрель 1903 – апрель 1904) профессору римской словесности не удалось проявить своих лучших управленческих качеств. Срок его службы в министерстве оказался предельно краток, мягкий характер не делал его склонным к решительным действиям. Кроме того, его инициативность была сломлена монаршей волей: Высочайшим рескриптом, определившим главное направление реформирования средней школы в «духе веры, преданности престолу и отечеству» [17, с. 703], и переданными в 1902 г. на обсуждение Государственного совета предложениями императора о преобразованиях в высших учебных заведениях. Николай II рекомендовал значительно сократить число студентов в столичных университетах; запрещал устройство новых учебных заведений в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе; предлагал закрыть высшие женские курсы в столице Российской империи и перевести их во второстепенные города; настаивал на уменьшении льгот по воинской повинности [6, с. 64].

Оказавшись заложником руководящих указаний императора, Г. Э. Зенгер не мог и помыслить о решительных действиях, чтобы не оказаться в опале, а пожалованный ему вместе с должностью чин тайного советника обязывал его проводить

не радикальные преобразования высшей школы, а охранительные по духу мероприятия.

Своим первым циркуляром от 29 июля 1902 г. он внес изменения в порядок приема абитуриентов в высшие учебные заведения [14, с. 33–36]. Согласно этому документу, всем окончившим курс среднего учебного заведения должна была выдаваться «полная выписка из их кондуита за последние три года их пребывания в гимназии или реальном училище». Она заменяла секретные характеристики абитуриентов, прежде предоставлявшиеся руководителям высших учебных заведений, и не могла иметь решающего значения при зачислении в студенты, если окончательная оценка поведения выпускника средней школы или реального училища была положительной. Вместе с тем циркуляр содержал рекомендации отдавать предпочтение (при равенстве всех прочих условий) абитуриентам тех учебных заведений, из стен которых выходило наибольшее количество благонадежных учащихся, не принимавших при поступлении в высшие учебные заведения участия в студенческих волнениях (п. 1, 2).

В циркуляре упоминались «комплектные нормы» («положенный комплект», «установленный комплект» – п. 1–3), введенные Н. П. Боголеповым, которые Министерство народного просвещения сохраняло и в 1902/1903 учебном году «ввиду тесноты помещений». Вместе с тем по распоряжению Г. Э. Зенгера руководителям высших учебных заведений разрешалось принять на первый курс «до 10 % сверхкомплектных студентов» (п. 3), а ректору Киевского университета – увеличить на 200 человек пределы установленной прежде нормы (п. 4), но только за счет выпускников гимназий Киевского учебного округа (п. 8). «Остающиеся в пределах комплекта вакансии, а также сверхкомплектные» места предлагалось заполнять воспитанниками местных гимназий, подавшими ректору прошения о зачислении в университет до 10 августа. По прошествии этого срока их преимущества перед «иноокружными абитуриентами» утрачивались (п. 8). Ограничив в правах попавший в «черный список» в 1900 г. Киевский университет запрещением принимать в комплект «иноокружных» гимназистов, Г. Э. Зенгер откорректировал правила зачисления в университеты выпускников средних школ Кавказского учебного округа. В наступавшем учебном году им разрешалось «зачисляться в студенты» Новороссийского, Харьковского и Казанского университетов (п. 8).

В отношении лиц «иудейского исповедания» восстанавливались пониженные в 1901 г. процентные нормы в Варшавском и Новороссийском университетах (п. 6); во всех остальных высших учебных заведениях в силу вступало правило рассчитывать «процент лиц иудейского исповедания» по отношению «к общему количеству вновь поступающих» на все факультеты и отделения⁴.

В циркуляре содержалось пять статей, адресованных студентам, уволенным из высших учебных заведений за участие в беспорядках. Восстановление («обратное зачисление») в правах студентов, уволенных без определения срока несения наказания, могло производиться только с начала 1903/1904 академического года. Для этого требовались разрешение правления университета и утверждение попечителя учебного округа (п. 9). Наказанных за участие в беспорядках увольнением на определенный срок следовало принимать в состав студентов только по истечении назначенного в «увольнительном свидетельстве» срока и исключительно при наличии «документа о поведении», исключавшего рецидивы несанкционированного поведения (п. 10).

Студенты, уволенные из университетов без запрещения перевода в другое учебное заведение, могли реализовать это право не ранее 1903/1904 учебного года.

Первокурсникам и второкурсникам Киевского университета, уволенным за участие в беспорядках, предлагалось восстановиться в академических правах с января 1903 г. при наличии зачетов первого или третьего семестров (п. 12).

Таким образом, при Г. Э. Зенгере вновь обретает силу процесс увеличения численности университетов. Количество студентов начинает возрастать за счет разрешения «сверхкомплектной нормы», а также прощения и «обратного зачисления» учащихся, понесших наказание за неповиновение академическому начальству и нарушение режима учебных занятий в 1900 г.

24 августа 1902 г. министр и его команда разработали утвержденные Николаем II «Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения» [3, с. 80–83].

Согласно распоряжению Г. Э. Зенгера, во всех учебных заведениях создавались судебные коллегии: ежегодно избиравшиеся из числа профессоров пять судей, утверждавшихся в этих должностях попечителем учебного округа (п. 1, 2). Ведению дисциплинарного суда подлежали три

категории дел, связанных с дисциплинарными проступками студентов: 1) нарушение учащимися в зданиях или учреждениях учебного заведения порядка, установленного для каждого из них особыми правилами; 2) столкновения между учащимися и преподавателями или должностными лицами учебного заведения; 3) проступки учащихся, имевшие «предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер» (п. 3).

Профессорский суд, получив от начальника учебного заведения подлежащий рассмотрению материал, решал вопрос о привлечении подозревавшегося в проступке студента к судебной ответственности или освобождении от нее за недостатком улик (п. 5). В зависимости от тяжести вины правонарушителя подвергали нравственному порицанию или налагали взыскания: «увольнение, удаление или исключение» (п. 4, прим.; п. 18). Решения профессорского суда передавались начальнику учебного заведения, который доводил их до сведения совета, а затем передавал свое заключение попечителю учебного округа для утверждения (п. 18). Если нарушение академического порядка сопровождалось и «преступлением» учащегося, то после его исключения из учебного заведения дело направлялось в вышестоящие судебные инстанции (п. 17).

Профессорский суд собирался «по мере надобности», вел дела устно, при закрытых дверях, при полном составе судей, протоколировал свои решения в специальной книге (п. 6–9). За неявку в суд обвиняемого или свидетелей, а также за дачу ложных показаний были предусмотрены взыскания, даже в случае оправдания студента по предмету обвинения (п. 14, 15).

Спустя три дня после опубликования «Временных правил» появились еще два документа, разъяснявшие и конкретизировавшие их: «Циркулярное предложение попечителям учебных округов о правилах для студентов университетов» [21, с. 89–93]⁵ и «Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения» [16, с. 93, 94].

Запретив общие собрания студентов по отделениям и факультетам (в), а также «подачу адресов, представление коллективных прошений, посылку депутатов, выставление объявлений без разрешения инспекции, устройство сборищ, произнесение публичных речей, денежные сборы и вообще всякого рода корпоративные действия» (з), «Циркулярное предложение» в то же время

допускало образование научных и литературных кружков, кружков «для занятия искусствами, физическими упражнениями», организацию студенческих библиотек и читален, столовых и чайных, а также студенческих касс (ж). Следовательно, Министерство народного просвещения и его руководитель, заручившись согласием членов межведомственного совещания и Высочайшим соизволением [21, с. 89], снимали запреты с табуировавшихся прежде корпоративных прав студентов, внося, тем не менее, жесткую регламентацию деятельности разрешенных студенческих учреждений.

Студенческие кружки можно было создавать только по отделениям и факультетам университетов, получив разрешение ректора на письменном ходатайстве организаторов. Все кружки, преследовавшие цели самообразования, нравственного и физического развития учащихся, могли действовать строго по правилам, отраженным в их уставах и получившим утверждение совета университета. Руководство кружками возлагалось на профессоров или других изъявивших желание преподавателей, кандидатуры которых получили рекомендации факультетских собраний и были утверждены ректором (ж).

Решение всех прочих вопросов «внутреннего студенческого обихода» [21, с. 93] возлагалось на курсовых кураторов, избравшихся на академический год советом университета из представителей соответствующих факультетов. Кураторы всех курсов и факультетов составляли комиссию под председательством ректора; ей поручался общий контроль за исполнением студентами дисциплинарных правил (б), составленных советом учебного заведения (е). По «почину куратора» и под его председательством было разрешено созывать собрания студентов по курсам (г) с целью выбора курсовых старост. Им предоставлялось право в течение года осуществлять «сношения по делам курса с преподавателями и администрацией данного учебного заведения и для исполнения касающихся студентов подлежащего курса поручений ректора» (д). Следовательно, благодаря созданию института старост возродились к жизни ростки студенческого самоуправления.

Из «Циркулярного предложения» Г. Э. Зенгера явно следовало, что все разрешенные корпоративные права студентов имели академический характер; все они распространялись только на студентов отдельных курсов и факультетов. Кружки, студенческие организации, общества,

собрания в масштабах всего университета категорически запрещались. Ответственность за недопущение межфакультетских и межкурсовых молодежных союзов, а также за перерождение корпоративных объединений в политические организации ложилась на плечи ректора, кураторов, наставников творческих самодеятельных кружков студентов. Факультетские собрания и советы университетов разделяли с ними ответственность за удержание в дозволенных пределах разрешенных академических прав, изъятых уставом 1884 г. и последовавшими за ним нормативно-правовыми документами.

Важно обратить внимание на то, что «Циркулярное предложение» Г. Э. Зенгера отчасти нейтрализовало вызвавшие новый всплеск студенческой активности «Временные правила» о наказании участников университетских беспорядков солдатчиной (1899 г.). В то же время в законодательных инициативах министра просвещения трудно не увидеть то, что возглавляемое им управление проводило начатую Н. П. Боголеповым политику превращения университетов из научных в учебно-воспитательные заведения. На профессоров, руководивших научными, литературными, музыкальными, спортивными организациями, возлагалась обязанность незаметного осуществления функций университетской инспекции: наблюдение за поведением студентов во внеаудиторное время. Вовлекая учащихся в интеллектуальные виды досуга, преподаватели не только боролись с разобщенностью «академического сословия» – «главнейшей причиной студенческих беспорядков» [4, с. 183], но и брали на себя миссию вытеснения интереса своих подопечных к политической жизни страны. Становясь, таким образом, гарантом академического спокойствия, представители педагогического коллектива, тем не менее, не могли рассчитывать на какое-либо вознаграждение. «Ближайшее руководство академической молодежью» они обязаны были выполнять безвозмездно, довольствуясь одними лишь «интересами науки и любовью к учащимся» [21, с. 93].

Хотя Г. Э. Зенгер понимал, что «присовокупление возлагаемых на профессоров задач к тем, которые они выполняют в связи со своими прямыми преподавательскими обязанностями, является... источником новых серьезных трудов» [21, с. 93], он не давал никаких обещаний произвести материальное вознаграждение кураторам, наставникам, научным руководителям, задействованным в процессе укрепления взаимного дове-

рия между административно-преподавательским корпусом университетов и студентами. Решение задачи сплочения «благомыслящего большинства» студентов, которая стояла очень остро, министр связывал не только с установлением благожелательной нравственной атмосферы доверия между учащими и учащимися, но и, прежде всего, с решительными мерами борьбы с антиправительственным академическим меньшинством. С этой целью он более детально проработал «Правила о взысканиях, налагаемых на студентов» профессорскими дисциплинарными судами.

Дисциплинарный суд получил право налагать следующие взыскания на студентов, нарушивших правила поведения в высших учебных заведениях: замечание; выговор; лишение права участвовать в курсовых собраниях и быть избранным в «курсовые старосты»; перевод из студентов в вольнослушатели на срок одного учебного полугодия с правом восстановления в составе курса, но при лишении всех льгот (пособия, стипендии, освобождения от «платы за слушание лекций»); нравственное порицание, присовокупленное к ограничениям вышеизложенных академических прав; увольнение из учебного заведения (до начала следующего учебного года) с правом (или без права) немедленного перевода в другое образовательное учреждение; удаление из учебного заведения «без срока» с воспрещением поступления в другое раньше, чем через год; исключение из учебного заведения без права получения высшего образования (А. 1–8) [16, с. 93, 94].

Начальник учебного заведения мог самостоятельно налагать следующие меры взыскания к «провинившимся» студентам: замечание, выговор, временное запрещение посещать учебное заведение, предложение подать прошение об их увольнении (Б. 1–4) [16, с. 94].

Разъясняя свою позицию по вопросу о взысканиях, налагавшихся на студентов, министр подчеркивал необходимость отступления от недифференцированного принципа «соответствия известного наказания тому или иному проступку» без учета степени «личной виновности» каждого из «подсудимых» профессорского дисциплинарного суда. К каждому из провинившихся студентов по распоряжению Г. Э. Зенгера следовало применять разные меры административного воздействия, принимая во внимание тяжесть вины «подсудимого», изложенную в материалах дела. Важным, по его мнению, было и «установление большей постепенности различных взы-

сканий», из перечня которых исключался «арест в карцере» [21, с. 92].

Отмена этого позорящего университета вида наказания, которое унижало достоинство студентов, должна была – вместе с другими предложенными министром мерами – создать более благоприятные условия для организации учебно-воспитательного процесса в университетах, укрепить «почву взаимного общения нормально объединенных учебными интересами студентов» и их руководителей [21, с. 93].

Интерес Г. Э. Зенгера к деятельности профессорского дисциплинарного суда и справедливым основаниям ее осуществления может свидетельствовать о намерениях министра расширить права «ученого сословия», которые были урезаны последним университетским уставом. Вместе с тем не исключено и то, что, возвращая профессорским коллегиям судебные полномочия, он рассчитывал обрести в «ученом сословии» более надежную опору самодержавия в деле охраны академических порядков.

Стремление министра укрепить нормативно-правовую базу существования университетов проявилось и в том, что в конце 1902 г. он созвал Комиссию для выработки нового университетского устава. Ей удалось активизировать деятельность университетских советов, с готовностью включившихся в процесс ее обсуждения, и собрать несколько томов материалов по проблемам высшего образования в России. Комиссия пересмотрела все статьи устава 1884 г. и подготовила проект нового университетского законодательства [1, с. 86]. Однако вновь оживившееся студенческое движение подорвало веру в эффективность проводившегося министром курса в отношении университетов и высшей школы в целом, ускорило отставку Г. Э. Зенгера (1904 г.) и предвещало провал планов ближайшего реформирования научно-учебных центров России.

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст] / А. И. Аврус. – М., 2001.
2. Виноградов, П. Учебное дело в наших университетах [Текст] / П. Виноградов // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1901. – Кн. X. – Октябрь. – С. 537–573.
3. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения [Текст] //

ЖМНП. – СПб., 1908. – Ноябрь. – Циркуляры Министерства народного просвещения. – № 1. – С. 25, 26.

4. Высочайше утвержденные 29 июля 1899 г. Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаленных из сих заведений за учинение скопом беспорядков [Текст] // Русская мысль. – М., 1899. – Кн. VIII. – Август. – Внутреннее обозрение. – С. 181–183.

5. Господарик, Ю. П. «Вел министерство в духе порядка»: Григорий Эдуардович Зенгер [Текст] / Ю. П. Господарик // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. / под ред. В. М. Филиппова (председатель), Г. А. Балыхина, В. А. Болотова, А. Ф. Киселева и др. – Т. 2. – М., 2002. – С. 169–175.

6. Заметки Николая II о народном образовании [Текст] // Былое. – Пг., 1918. – № 2(30). – Февраль. – С. 61–66.

7. Иванов, А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века [Текст] / А. Е. Иванов; отв. ред. С. В. Тютюкин. – М., 1991.

8. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] / П. Капнист // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1903. – Т. VI (224). – С. 167–218.

9. Ковалевский, М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) [Текст] / М. М. Ковалевский // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 484–506.

10. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н. П. Боголепова (12 февраля 1898 г. – 14 февраля 1901 г.) [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1901. – Июль. – С. 3–82.

11. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века [Текст] / В. Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.

12. Мероприятия по Министерству народного просвещения: циркуляр об установлении комплекта учащихся для первых курсов университетов и об ограничении учащихся в выборе университета для продолжения образования; циркуляр об организации практических занятий для студентов, студенческих курсов и общежитий; циркуляр о надзоре за учащимися в средних учебных заведениях; новый проект систематических общедоступных курсов; циркуляр об университетской инспекции [Текст] // Русская

мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1899. – Кн. VIII. Август. – Внутреннее обозрение. – С. 184–191.

13. Новый проект университетского устава [Текст] // Вестник Европы. – СПб., 1910. – Март. – Внутреннее обозрение. – С. 334–351.

14. О приеме в высшие учебные заведения [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Сентябрь. – Циркуляры Министерства народного просвещения. – № 2. – С. 33–36.

15. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Электронный ресурс] / под ред. Е. В. Олесеюка. – Режим доступа: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>

16. Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Октябрь. – С. 93, 94.

17. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст] / С. В. Рождественский. – СПб., 1902.

18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1894. – Т. X. Царствование императора Александра III. 1885–1888 годы. – С. 643, 644, 1343, 1344.

19. Томсинов, В. А. Министр народного просвещения – Николай Павлович Боголепов [Текст] / В. А. Томсинов // Педагогика. – 1997. – № 2. – С. 105–109.

20. Хотеевков, В. Ф., Иванова, Л. Ф. Министр по должности, профессор по призванию: Николай Павлович Боголепов [Текст] / В. Ф. Хотеевков, Л. Ф. Иванова // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 136–159.

21. Циркулярное предложение попечителям учебных округов о правилах для студентов университетов [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Октябрь. – С. 89–93.

22. Щетинин, Б. А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) [Текст] / Б. А. Щетинин // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 533–547.

23. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст] / Г. И. Щетинина. – М., 1976.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih uni-versitetov: Oчерki [Текст] / А. I. Avrus. – М., 2001.

2. Vinogradov, P. Uchebnoe delo v nashih universitetah [Текст] / P. Vinogradov // Vestnik

Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1901. – Кн. X. – Oktjabr'. – С. 537–573.

3. Vremennye pravila o professorskom disciplinarnom sude v vysshih uchebnyh zavedenijah Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1908. – Nojabr'. – Cirkuljary Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – № 1. – S. 25, 26.

4. Vysochajshe utverzhdennye 29 ijulja 1899 g. Vremennye pravila ob otbyvanii voinskoj povinnosti vospitannikami vysshih uchebnyh zavedenij, udalennyh iz sih zavedenij za uchinenie skopom besporjadkov [Текст] // Rus-skaja mysl'. – М., 1899. – Кн. VIII. – Avgust. – Vnutrennee obozrenie. – S. 181–183.

5. Gospodarik, Ju. P. «Vel ministerstvo v duhe porjadka»: Grigorij Jeduardovich Zenger [Текст] / Ju. P. Gospodarik // Oчерki istorii rossijskogo obrazovanija: K 200-letiju Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii: v 3 t. / pod red. V. M. Filippova (predseda-tel'), G. A. Balyhina, V. A. Bolotova, A. F. Kiseleva i dr. – Т. 2. – М., 2002. – S. 169–175.

6. Zametki Nikolaja II o narodnom obrazovanii [Текст] // Byloe. – Pg., 1918. – № 2(30). – Fevral'. – S. 61–66.

7. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Текст] / A. E. Ivanov ; otv. red. S. V. Tjutjukin. – М., 1991.

8. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Текст] / P. Kapnist // Vestnik Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1903. – Т. VI (224). – S. 167–218.

9. Kovalevskij, M. M. Moskovskij universitet v konce 70-h i nachale 80-h godov pro-shlogo veka (Lichnye vospominanija) [Текст] / M. M. Kovalevskij // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov / sost. Ju. N. Emel'janov. – М., 1989. – S. 484–506.

10. Kratkij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija za vremja upravlenija pokojnogo ministra N. P. Bogolepova (12 fevralja 1898 g. – 14 fevralja 1901 g.) [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1901. – Ijul'. – S. 3–82.

11. Lejkina-Svirskaja, V. R. Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Текст] / V. R. Lejkina-Svirskaja. – М., 1971.

12. Meroprijatija po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija: cirkuljar ob ustanovlenii kompleksa uchashhihsja dlja pervyh kursov uni-versitetov i ob ogranichenii uchashhihsja v vy-bore universiteta dlja prodolzhenija obrazovanija; cirkuljar ob organizacii praktičeskijh zanjatij dlja studentov, studenčeskijh kursov i obshhezhitij; cirkuljar o nadzore za

uchashhimisja v srednih uchebnyh zavedenijah; novyj proekt sistematičeskikh obshhedostupnyh kursov; cir-kuljar ob universitetskoj inspekcii [Tekst] // Russkaja mysl': Ezhemesjachnoe literaturno-političeskoe izdanie. – M., 1899. – Kn. VIII. Avgust. – Vnutrennee obozrenie. – S. 184–191.

13. Novyj proekt universitetskogo ustava [Tekst] // Vestnik Evropy. – SPb., 1910. – Mart. – Vnutrennee obozrenie. – S. 334–351.

14. O prieme v vysshie uchebnye zavedenija [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Sen-tjabr'. – Cirkuljary Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – № 2. – S. 33–36.

15. Otechestvennye universitety v dinamičeskoj zolotoj veka russkoj kul'tu-ry [Jelektronnyj resurs] / pod red. E. V. Ole-sejuka. – Rezhim dostupa: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>

16. Pravila o vzyskanijah, nalagaemyh na studentov vysshih uchebnyh zavedenij Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Oktjabr'. – S. 93, 94.

17. Rozhdestvenskij, S. V. Istoričeskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1802–1902 [Tekst] / S. V. Rozh-destvenskij. – SPb., 1902.

18. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1894. – T. X. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. 1885–1888 gody. – S. 643, 644, 1343, 1344.

19. Tomsinov, V. A. Ministr narodnogo prosveshhenija – Nikolaj Pavlovich Bogolepov [Tekst] / V. A. Tomsinov // Pedagogika. – 1997. – № 2. – S. 105–109.

20. Hoteenkov, V. F., Ivanova, L. F. Ministr po dolzhnosti, professor po prizvaniju: Nikolaj Pavlovich Bogolepov [Tekst] / V. F. Hoteenkov, L. F. Ivanova // Očerki istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 136–159.

21. Cirkuljarnoe predloženie popechiteljam uchebnyh okrugov o pravilah dlja studentov universitetov [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Oktjabr'. – S. 89–93.

22. Shhetinin, B. A. Pervye shagi (Iz nedavnego proshlogo) [Tekst] / B. A. Shhetinin // Moskovskij universitet v vospominanijah so-vremennikov. – S. 533–547.

23. Shhetinina, G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst] / G. I. Shhetinina. – M., 1976.

¹ Далее в скобках указаны страницы этого же издания.

² Юрьевским с 1889 г. стал называться Дерптский университет. Это было следствием политики русификации университетского образования [11, с. 40].

³ Приведем эти данные для самых «многолюдных» университетов.

Университеты	Факультеты			
	Юри-диче-ский	Физи-ко-математический	Математико-естественный	Ме-ди-цин-ский
Санкт-Петербургский	400	200	200	– 250 200 175
Московский	400	250	200	
Киевский (Св. Владимира)	300	150	100	
Харьковский	200	100	75	

⁴ Теперь процентные нормы для евреев в учебных заведениях вновь соответствовали регламенту 1887 г., установленному И. Д. Деляновым: 10 % в черте оседлости, 5 % – вне ее, 3 % – в столицах [7, с. 286; 23, с. 203, 204].

⁵ Нормативные положения обозначены буквами: от «а» до «з».